

Автор: Есельсон С.Б.

У бывшего властелина с утра болела голова. Голова болела третью неделю, и когда он об этом думал, то думал, что его отравили полонием. К врачам он боялся обращаться, потому что врачи могли его тоже чем-нибудь отравить.

Секретный мобильный телефон засветился незнакомым номером. Он подумал: «Я есть или меня нет?» – и решил ответить. К нему рвался друг, нагрянувший проездом, без предупреждения. С этим другом всегда в его жизнь приходил свежий ветер. «Пусть будет», - решил он, - и отдал необходимые распоряжения.

Друг вошёл и снял пиджак. Это было излишество, но все равно приятно - меры доверия, мол, ничего у меня под пиджаком нет, видишь. Они посмотрели друг на друга и одновременно сказали: «Чернорубашечники», - и рассмеялись – оба были в чёрных толстовках. Друг достал из портфеля томик Библии в чёрном переплёте, он достал – из стола роскошный том Библии, подаренный чуть ли не местным Патриархом когда-то в Иерусалиме, тоже чёрного цвета. «Чернокнижники», - сказали они друг другу и снова рассмеялись.

«Чего надо, каким ветром занесло дорогого гостя, понимаешь?» - при присказке, «понимаешь», оба подняли глаза кверху и одновременно засмеялись. Оба понимали, над кем они засмеялись.

«Ничего мне лично от тебя не надо. Был в Сергиевом Посаде и там мне буквально навязали одну книжечку - материалы Собора 1988 года, когда 1000-летие крещения Руси праздновали. Открыл в автобусе на обратном пути в Москву, а там жития только что канонизированных святых. Открылось житие Максима Грека. Читаю. И чем дальше читаю, тем неотступнее тебя вспоминаю. И так довспоминался, что решил срочно позвонить».

Властелин любил мистику. Мистика помогала ему чувствовать, что его «ведут». И это «ведут» - вперёд и вверх, помогало с восторгом всматриваться в будущее с его неограниченным верхом. И с ещё большим восторгом смотреть назад – «кем я был и вот кем стал!»

Про Максима Грека он ничего не слышал. Голова гудела уже не постоянно, а толчками. «Рассказывай, только вначале чай-кофе-фреш закажу, тебе что?»

Друг снял очки и подул на чай. «Дело это начиналось в XV веке. Ты помнишь, в 1452 году произошла историческая катастрофа. 1000 лет просуществовала Византия и рухнула. Под напором турок. 1000 лет! Династия Романовых – 300 лет, а здесь – 1000! Ничего подобного ни до, ни после в Европе не было. Элита интеллектуальная из Константинополя успела бежать, осели по разным странам Европы, в основном, по городам Италии и на островах Эгейского моря, в то время принадлежавших Венеции.

Вот на таком острове Корфу и осела семья Триволисов. Мальчику Михаил Триволису дали очень приличное образование. В Италии. Это было начало эпохи Возрождения. Он был знаком с Леонардо да Винчи, с Пикко дела Мирондола, он слушал проповеди Саванароллы, он варился в этом котле. Ушёл в Доминиканский монастырь – в те времена в монастырях были огромные библиотеки – он принялся за библиотеку. Видно, был книжный человек. Прошло несколько лет, ему кто-то сказал, что в Греции есть место, Афон, где находится множество монастырей с огромными библиотеками, и что турки всего этого не тронули. И он решился – отправился в Грецию, на Афон. Его без труда приняли в православные монахи, с новым именем Максим... Прошло 10 лет. И вот на Афоне появляется посольство из далёкой Московской Руси от Великого князя Василия, отца Ивана Грозного. Идёт начало XVI века. Они просят, чтобы на Русь приехал знаменитый тогда богослов старец Савва и помог организовать перевод на русский Толкового Псалтиря. Но Савва очень стар и немощен – он предлагает: «Пусть вместо меня поедет монах Максим, он в самом расцвете сил, хорошо образован, имеет склонность к языкам». Снаряжают посольство во главе с Максимом, он и ещё два монаха, и отправляются на Русь... – «Когда это было? – властелин спросил, демонстрируя свой интерес. - «В 1518 году прибыли в Москву». «Сейчас продемонстрирует эрудицию», - подумал друг, но ничего не последовало. Властелин раскуривал трубку. «Встретили Максима очень хорошо, предоставили роскошные апартаменты – только работай. Русский никто из приехавших греков не знал – Максим нашёл москвичей, знавших латынь и немецкий, и работа пошла. Греки переводили на латынь, а те переводили с латыни на церковнославянский. Через полтора года работа была окончена. Митрополит московский, который их пригласил, Варлаамом его звали, был очень доволен. Можно было уезжать. Великий князь наградил богатыми подарками и напоследок сообщил, что спутники Максима могут убраться с почётом в Грецию, а вот сам Максим никуда не уедет, так как у него, князя великого, для него есть ещё работа. «Как так, договаривались же на один перевод!? Вы же давали слово княжеское моим руководителям на Афоне», – «Ну и что, моё слово, сам даю, сам забираю. Князь я или не князь! Словом, ты мне нужен. И все разговоры». Что было делать? Смирился, остался, начал работать, изучал русский, церковнославянский. Ему давали просматривать множество ранее сделанных переводов, - он обнаруживал там множество ошибок. Размышлял над истоками ошибок, над проблемами перевода, и начал писать. Он писал работы о грамматике, об особенностях перевода с одного языка на другой. Вокруг него постепенно собиралась талантливая молодёжь. Потом их отцы. Невиданный диковинный человек был занесён на Русь. Он так много видел, он так много знал! Можно сказать, что вокруг Максима образовался первый на Руси научный кружок, по филологии, что вокруг него начала складываться русская культурная элита, возник первый культурный салон. Многие видные сановники почитали за честь познакомиться с Максимом, бывать у него на посиделках, на беседах. – Властелин смотрел на друга долгим ожидающим взглядом. - Максим рассказывал об Афоне, об итальянском Возрождении, он обсуждал с людьми то, что никто другой не обсуждал – почему астрология и православие несовместимы. - Властелин крикнул: «Ну, да... Впрочем если у нас астрологические прогнозы проплачивались на время выборов, сам видел, подписывал, приходят вот такие умники – «надо, дескать, проплатить» - «за что, братцы-кролики» - «за подходящее будущее, гражданин начальник». - «Слушай, не сбивай, а то запутаюсь» - «Ладно, ладно, так что было дальше? Весь во внимании». В то время в Европе мода была на каббализм,

баловался этим народ из скучающих элит, - занесло это дело и на Русь, заразились всякие там сановники, члены их семей, даже некоторые священники, дело выяснилось, всех разогнали, назвали ересью жидовствующих, зачинщиков жестоко наказали – дело было за несколько десятилетий до Максима – но увлечение никуда не делось, тайно, в узком кругу, продолжали этим делом баловаться, никто толком ведь и не объяснил, а почему, собственно говоря, нельзя. Ну, вот, Максим взялся объяснять. В Москву за несколько веков понанесло, историки говорят, что из Болгарии, множество апокрифов – самых странных книг, взять, к примеру, то же Евангелие от Иуды. Максим и за них взялся – разбирать, да, объяснять – где там духовная зараза зарыта и как она действует. Словом, в одиночку он стал, что-то вроде Свято-Тихоновского духовного университета. Авторитет его рос и рос. Хорошо, что тогда рейтинги не измеряли. Но, видно, кто-то для себя измерял. Потому что появились завистники. Между тем он взялся за исконное, наше родное – начал народу объяснять, почему христианину негоже верить во сны, в кошек и зайцев, в зеркала, и уж совсем ни во что не годится гадать и гаданиям верить.

«Слушай, ты мне, дураку, объясни, - что, и впрямь нельзя?» «Нельзя». «А почему?» «Чего ты меня отвлекаешь, сейчас ещё дискуссию закрутим, совсем с темы собьёмся – спрашивай у Максима Грека.

Шло время, Максим принялся за святое святых – начал объяснять, что сколько в церковь не ходи, как обряд не блюди, ничего это не стоит. А всё дело в другом – в раскаянии, и попытках жить по-новому. Сказал, что у Вас тут ребята болезнь выросла и назвал её «обрядовереие». С Максимом проводили профилактические беседы – а он им, ничего, мол, страшного, не Вы первые, не Вы последние, болезнь известная, - главное, назвать её и лечиться. И рассказывает им, и рассказывает про исповедь, про покаяние, про стремление к преображению как цель и смысл жизни христианина. Прямо как маленький. Сочли за человека умного, но наивного и не трогали. Авторитет его был высочайший, но кое-кто уже косо поглядывал и перешёпывались. Впрочем все знали, что Митрополит Варлаам к нему благоволит.

И тут Варлаама снимают. Всё, конечно, было оформлено чин по чину, выборами, но все при этом знали, что это Великий князь Василий его снял и удалил подальше. А поставлен был Митрополитом некто по имени Даниил.

На Руси к тому времени уже несколько десятилетий в церкви шла борьба двух партий. Одних называли нестяжатели, других – осифляне. Так вот замена одного митрополита на другого была не просто заменой человека на руководящем посту – Варлаам относился к нестяжателям, а Даниил – к осифлянам. И Даниил принялся укреплять позиции своей партии, то есть повсеместно убирать со всех церковных постов людей Варлаама. Но этого мало – много нестяжателей было при дворе, как их оттуда выковырять? А дело нешуточное – за каждой из партий была своя идеологическая доктрина, в которой объяснялось, что правильно, что неправильно, и, главное – куда Руси путь держать. При этом у иосифлян прямо на знамени было написано, что они шея, которая должна государственной головой крутить, во всё вмешиваться и всё направлять. И в ход пошло старейшее изобретение всех времён и народов. Был

обнаружен государственный заговор. – «Нестяжатели во главе?» - «Нет, исключительно в составе нестяжателей». И как на беду – всё это были люди элиты, которые дневали – ночевали у Максима. Даниил ничего не имел против Максима, ему на Максима, вообще говоря, было начихать. Но раз такое дело – он призывает к себе Максима и предлагает... «Сотрудничать?» - «Точно, как ты угадал?» - «Жизненный опыт и больше ничего» - «Ничего?» - «Ничего». Представь себе, Максим отказался. Митрополит продемонстрировал компромат, а он отказался против них давать показания, как они, гады, у него в покоях строили козни против Великого князя и его лучших верных друзей. Ну, что, мы честно предлагали, ты отказался – пеняй на себя. Тут подоспел удобный случай. Великий князь глаз положил на молодую и, как честный человек, решил жениться – но была одна лишь проблема, он женат, в венчанном браке. Тогда Даниил их быстро развенчивает под предлогом, что княгине резко и нестерпимо захотелось уйти в монахини. Княгиню ссылают в монастырь, под присмотр – съезди, по случаю, в Новодевичий монастырь, там музей – галерея таких несчастных бывших княгинь и цариц. И, вот представь, себе, Максим начинает публично осуждать эту тонко выстроенную акцию. Даниилу немедленно доносят, а он – Великому князю. Больше Великий князь никогда не интересовался делами Максима и его переводами.

Прошёл большой политический процесс – «заговорщиков» казнили, а одному из них, для разнообразия вырвали язык. Максим был арестован. Ему вменяли распространение ереси и (!!!) что он турецкий шпион. А как же – он общался с турецким послом, греком по национальности, на греческом языке, жуткое дело. Ему дали пожизненный срок и отлучили от церкви. Тюрьма была в Волоколамске, в монастыре. Посадили в подвал, в крохотную одиночку, холодную, без освещения. Невмоготу было без работы, без исповеди и без причащения. В темноте терялся ход времени. Еду приносили и парашу выносили нерегулярно, невозможно было ничего вычислить. Он читал молитвы, но боялся, что сбился и начал путать дни и ночи, будни и праздники. Возможно, это была специальная изощрённая пытка, посвящённая сведению с ума. В какой-то момент, когда Максим уже начинал было впадать в отчаяние, как он много позже вспоминал, в камере тьму вдруг начали разрывать всполохи, стало светлым светло и из светло-фиолетовых разрывов выступил ангел. Он сказал: «Терпи, старец. Научишься терпеть – уже не зря прожил жизнь».

Через шесть лет новый процесс. Новые расправы. Вытаскивают из тюрьмы и Максима. Распространяются слухи, что вскрыты новые жуткие обстоятельства – что он колдун, что своими переводами он жутко, изощрённо околдовывал русский народ. – «Слушай, а ему уже ж дали пожизненное?» - «В том-то и дело, что дали. Думаю, это была PR-акция, развенчание героя – «колдун» звучало, наверное, страшнее, чем «турецкий шпиён». На процессе Максим никак не защищается, не отвечает на абсурдные обвинения, а только земно кланяется и просит у всех прощения. Процесс прошёл, и его задвинули подальше от Москвы, подальше с глаз и из памяти, в тюрьму монастыря Отроч под Тверью.

Время шло. Неумолимо. В Москве развёртывались всё новые и новые события, за круговертью которых Максим забывался.

В тюрьме, в одиночке – свой отсчёт времени. Пошли годы, даже десятилетия. Тюремщики посменялись. Кто сидит и за что – не знали. Знали только, что пожизненное, наверное, за какие-то ужасные преступления, что режим особый, сидит он в оковах, от церкви отлучён, книг ему не давать, бумага и пера не давать и вообще предписано держать в темноте.

В Твери был поставлен епископ по имени Акакий. Инспектируя свои владения, он заинтересовался монастырской тюрьмой. Кто сидит, за что? Тюремщики ввели в курс относительно особого режима и пожизненного срока, а больше ничего не знали. И Акакий решился – пошёл в камеру. Видно, общение было дивное, - Акакий начал действовать – довольно быстро была поменена вся темничная охрана и начальник монастырской темницы, после чего Акакий, на свой страх и риск, смягчил режим – в камере появилась лучина, перо и бумага. И Максим начал писать – у него появился единственный читатель и единственный собеседник – епископ Акакий. Всё чаще он приходил к нему в камеру посоветоваться о разных сложных церковных делах, о жизни. Как-то в Твери случился страшный пожар – сгорел дотла весь город, вместе с ним все храмы, собор с древними иконами и рукописями. Акакий сам чудом спасся, был ранен. Его обуял ужас и, в смятении, уже не таясь, он попросил отнести его в камеру к узнику монастырской темницы в Отроче. Максим его успокоил и наставил, как позже вспоминал Акакий.

Пронесло, на Акакия в Москву никто не донёс – видно, он действительно верных и надёжных людей там поставил.

Время шло. Умер Великий князь Василий. Акакий начал потихоньку ходатайствовать за узника, но быстро понял, что лучше не лезть – на трон был посажен малолетний Иван Грозный, реально власть принадлежала группе бояр и такая круговерть борьбы пошла, что лучше было не соваться. Время шло. Поумирали практически все гонители Максима, лжесвидетели на его процессах, практически все доносители. Максим жил. В своей камере, с лучиной, пером и бумагой. Максим писал вдохновенно – у него был единственный, но реальный читатель. Когда Акакий заговаривал о нём в Москве, то на него смотрели недоуменно – о Максиме все забыли. Между тем Иван Грозный повзрослел и начал входить в силу. Вместе с группой своих друзей, молодых реформаторов. Акакий нашёл ходы к ним. Там подумали и решили – дело давнее, интрижное, в нём – борьба групп влияния в руководстве церкви, лучше пока не вмешиваться, пусть внутри себя разбираются. Время шло. Был снят со своего поста Митрополит Даниил. После нескольких лет борьбы настало время долгого правления нового митрополита Макария, человека, благоволившего епископу Акакию. Макарию передаётся прошение Максима о пересмотре дела. Вопрос получается наиделикатнейший. Макарий испросил материалы дела – всё ясно, как Божий день, но! Это как же так, признать, что судили несправедливо, так что ли? И какие могут быть последствия? При мысли о последствиях, о том, какой дурной пример может подать пересмотр дела, голова шла кругом... И пишется ответ на прошение: «Узы твои целуем, как одного из святых, пособить же тебе не можем...» И объяснение, - жив митрополит Даниил, только он сам может отменить собственные решения. Даниил живёт в монастыре, в отставке. Ему приносят прошение Максима. Но его уже всё понявший

Максим просит только об одном - разрешить ему исповедоваться и причащаться. Даниил в панике – Максим оказывается, ещё жив. И что это всё значит, что Митрополит советует Максиму написать ему, опальному Даниилу, правда, всё ещё лидеру осифлян. И Даниил пишет Максиму ответ как «дружеский совет», - «а ты прикинься умирающим, тебя и допустят к Исповеди и Причастию». Максим такой совет не принимает. И всё остаётся на своих местах.

Годы идут. Умирает Даниил. В живых не осталось ни одного гонителя.

Акакий снова хлопочет о Максиме при дворе, в окружении Ивана Грозного. И тут подворачивается удобный случай – на видный пост, пост настоятеля Троице-Сергиевской Лавры назначают Артемия в юности знавшего и почитавшего Максима. Он свидетель хлопот Акакия. Он поражён – оказывается Максим жив. И он подключается к хлопотам. Следует решение – перевести Максима в Троице-Сергиевскую Лавру. Судебных решений никто не отменяет, но как-то так складывается, что при переводе в Сергиев Посад о них как бы забывают. Его уже не держат в тюрьме, его допускают до Исповеди и Причастия, до участия в богослужениях.

В это время на Руси усилиями Митрополита Макария произошло венчание Великого князя Ивана на царство – появился первый царь, начал готовиться церковный Собор (если говорить по-современному, то съезд), готовиться массовая канонизация русских святых, начали впервые писаться Жития Святых. Как всё это делать? С кем было Макарию посоветоваться? Кто ему мог рассказать в деталях? Кто в памяти своей держал множество Житий Святых? - Митрополит Макарий начал ездить в Сергиев Посад в келью старого монаха Максима и часами, а, порой, днями просиживать там.

Слава о Максиме снова гремела на Руси. Популярность его была невероятной. Шли посоветоваться, шли к нему поговорить. И он решился попросить – он просил одного, отпустить его умирать на родину, в Грецию, на Афон, в родной монастырь. В инстанциях прошение рассмотрели и решили: «Не отпускать». Сохранились свидетельства – «почему». А потому, что может порассказать «там» про то, как у нас «здесь». За него с просьбой отпустить пришли прошения и с Афона и от Патриарха Константинопольского и от Патриарха Иерусалимского, и от Патриарха Александрийского. Дело принимало нехороший оборот. Сочли за лучшее сделать вид, что прошения как бы не приходили, в дороге затерялись, понимаешь. – Властелин смотрел неподвижным каким-то влажным взором, тянул трубку и никак не откликнулся на «понимаешь».

Как-то к нему пожаловал царь. История эта есть в воспоминаниях Курбского – тогда ближайшего царского помощника, а, позднее, опального, беглого, многолетнего публичного критика Ивана Грозного, кстати, в эмиграции ставшего видным деятелем православия в Литовском княжестве. Так вот, это было вскоре после победы Москвы в войне с Казанским ханством, после взятия Казани. Царь сообщил Максиму, что дал обет в случае взятия Казани и успешного окончания войны с ханством вместе с женой и ребёнком пешком отправиться на богомолье на север, в Кириллов монастырь. Царь просил благословления от Максима. Максим сказал ему: «Смотри, сколько народу полегло в Казанском походе, сколько осталось вдов, сирот, одиноких матерей – займись

ими, утешь их в беде, поддержи их. Богу это будет приятнее, чем твоё паломничество. А молитвы Он твои слышит, где бы ты не находился, а не только в монастырях, на святых местах». Не то ожидал услышать молодой царь-триумфальный победитель. Царь переспросил, думая, что старик его не понял. Я, мол, «обет Богу дал, я Богу дал своё царское слово – я должен его исполнить. Царь я или не царь!?» Максим был неумолим – «неразумно ты его дал, не нужно этот обет исполнять, займись лучше вдовами да сиротами, да обесчадившими матерями». Царь выслушал Максима и пошёл исполнять обет. В дороге во время богомолья простудился и умер наследник, 8 – месячный царевич Дмитрий. И вообще всё пошло наперекосяк. Больше царь никогда к Максиму не обращался.

А вскоре в Московии начал готовиться новый большой процесс. О ереси. Под общую гребёнку начали мести и мести народ. Того же настоятеля Троице-Сергиевой Лавры Артемия, например. К Максиму обратились с просьбой. Ничего особенного. Просто побыть экспертом. Готовы были привезти в Москву. Только бы выступил, осудил. Максим ответил отказом. Всегда говорил Митрополиту Макарию «Да», а тут вот «Нет». И странно как-то объяснил, мол, «не осуждать и сажать, а объяснять и просвещать надо». В общем прошли процессы благополучно и без него. И больше к нему Макарий с просьбами не обращался.

Максим жил. Появился ученик, монах Нил – он учил его искусству перевода, денно и ночью, денно и ночью. О Максиме снова забыли.

И вот однажды обнаружили, что старик что-то уже давно не выходит из келии. Он сидел за столом. Мёртвый. Прошло довольно времени, труп его не истлевал. Его быстро похоронили тут же, в Троице-Сергиевой Лавре.

Канонизировали его через 400 лет.

Друг встретился с Властелином взглядом. – «Терпение?» - «Терпение.».

Секретарша снова внесла чай. Друг не заметил, когда Властелин её вызвал.

«Слушай, как ты думаешь, неужели это неизбежно?» - «Не знаю, думаю неизбежно. Впрочем это не для всех». Бывший властелин прошёлся по комнате, остановился у глобуса Луны и изо всех сил его крутанул.

Год спустя в газетах прошло сообщение, что против Бывшего Властелина открыто уголовное дело по внезапно вновь открывшимся каким-то застарелым чудным обстоятельствам. Было понятно, что от него чего-то хотят. А ещё через полгода на мобильном Друга звонок – женский голос бодро: «Соединяю». Бывший Властелин устало спросил: «Ты когда ко мне заедешь?»

По пути в Сергиев Посад он внезапно перегнулся с первого сидения и сказал Другу: «Я отказался».

Прошло ещё три года. Как-то Друга занесло в столицу аккурат в день рождения Бывшего Властелина. Он позвонил – «Заходи, дорогой». В комнаты входили – выходили важные люди с важным видом. Властелин пригласил Друга в соседнюю комнату: «Смотри» – «Что это?» Перед ним лежал листок. Крупное заглавие: «Глас». Под ним мельче «вопиющего в пустыне». Буквы были мелкие и как-то мельтешили, плясали, зрение было уже явно не блестящее. Он выхватил абзац: «Я знаю, что многие из Вас видят мою вину во всём том ужасе, который творится ныне с нами – в развале, в потоках беженцев, в гражданских войнах, в атмосфере страха и насилия, в обворованной старости, в стоящих заводах, в безработице». «Что это?» - «Разбирал свои старые папки, и нашёл. Откуда взялось – не знаю, как с луны свалилось, наверное, пиарщики написали в 96-м. Но я тогда этого текста просто не заметил. Друг бросил ещё один взгляд на листок и выхватил жирно выделенную строчку: «Я каюсь и я возвращаюсь». – «Да, тогда я его просто не заметил».

Властелин помолчал. «Всё было в моих руках, и всё я упустил». «Вот скажи, помнишь про Максима Грека ты мне рассказывал?» - «Как же, помню, конечно». «Я расследовал. После смерти в конце XVI века его использовали в дипломатии, когда добивались от Патриарха Константинопольского признания введения на Руси Патриаршества – сообщили, что Максим, якобы, явился в видении царю Фёдору Иоанновичу и предупредил, что на его палатку наставлена пушка, тот выбежал и спасся. После чего образ Максима был написан для Успенского собора по повелению царя. Вот какой, мол, у нас великий грек есть и вот как разрешилась печальная коллизия недавнего прошлого, когда Максима насильно удерживали и не отпускали на Афон, несмотря на личную просьбу самого Патриарха Константинопольского. Но греки были подозрительны – потребовали вскрытия могилы. Её вскрыли, кажется, в 1591 – м, и обнаружили, что останки совершенно не истлели, да и одежда тоже... Я долго думал. Почему его канонизировали в 1988-м?» В комнату заглянула жена Былого Властелина и искоса посмотрела на Друга: «Ты надолго покинул гостей, нехорошо» - «Секунду, дорогая». - «Как ты думаешь, это был вызов мне или намёк?»- «Что?»- «88-й год?» - «Это было случайное совпадение».

Другу рассказывали, что Властелина стали часто замечать в Сергиевом Посаде. А два или три раза в ответ на фигурную шоколадку помощница Былого Властелина сообщала Другу, что тот уехал в Тверь.

Как-то при встрече Былой Властелин спросил: «Помнишь, давным-давно, когда я стал работать на Старой площади, ты заходил, заходил, а потом вдруг перестал. А потом через полгода или год спустя снова появился. Что тогда произошло?» Друг отвечал немедленно, будто годами ждал этого вопроса: «Я приезжал в Москву и входил к тебе в любое время. И думал, а как же иначе? Ты сделал мне стол в кабинете рядом с Приёмной, и я давал людям телефон твоей помощницы, чтобы меня в случае чего вызывали по этому телефону. И вот однажды я выяснил, что она меня не пригласила к телефону, в результате меня не нашли, я не сумел вовремя организовать нужную помощь и умер подросток, сын знакомого. Я к ней: «Ты виновна в смерти ребёнка, что ты наделала!» А она напряглась, набычилась, да и выпалит, что это ты приказал ей меня к телефону не подзывать, да и говорить мне, что ты занят, когда у тебя никого нет,

словом, не пускать и не подпускать. Я ей: «Врёшь». И тут же вдруг поверил – так она на меня смотрела. Плюнул и решил у тебя больше не бывать. Прошло время. И появился у меня вопрос к себе: «Ну, ладно, он меня к себе не пускал, но чего я так рвался?» И тут же ответ, старый как мир, - зависть. Я ответил и успокоился. И зашёл к тебе. Представь себе – ты оказался совершенно открыт для меня и свободен, а твоя помощница дружелюбна и любезна. Так я вернулся». Бывший Властелин долго молчал. – «Значит, главное, правильно задать вопрос себе».

Но вопрос задал он Другу. Дело было в Колонном зале в антракте юбилейного концерта, на который обоих пригласили. После радостного приветствия они отошли в сторонку. И Бывший Властелин спросил: «Ты знаешь, что такое блуд?» - Друг поперхнулся и остановился в замешательстве. – Ответа он не стал дожидаться: «Это не баб всех подряд желать иметь, это не то, это частность. Блуд – это блуждание в тумане, потеря пути, потеря ориентиров. Я давно в блуде, сам блуждал и за собой людей в блуд вводил. Такие вот дела, братцы-кролики». Лицо его апоплексически побагровело. «Твой Максим Грек...». И вдруг повернулся и резко ушёл, почти убежал.

Долгое время Бывший Властелин болел. Мобильник был отключён, а секретарша бубнила, мол, «ничего не знаю». Друг уж подумывал, что, может быть, дело совсем плохо и надо искать связи через общих знакомых. Но, видно, у Бывшего Властелина на этом свете оставалось что-то действительно важное и неотложное. Он позвонил сам и, без приветствия, начал с полуслова, слегка пьяным южным говором. «Максим был верен. Не изменял. Сколько его за это ни мучили и сколько бы ни манили пряником. Это и надо было вытерпеть... Ты меня прости. Вы все меня простите» - и бросил трубку.